

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОПУЛЯЦИЙ ВОЛКА НА КАВКАЗЕ

Волк на протяжении многих десятилетий считался нежелательным компонентом природных экосистем. С ним вели постоянную борьбу, целью которой было или максимальное сокращение численности, или полное уничтожение. Многолетнее преследование, поощряемое высокой денежной премией, привело к значительному повсеместному сокращению вида. Как вредитель животноводства и «враг» диких животных, волк истреблен на большей части Европы и Северной Америки. Сокращено его поголовье во многих районах Азии. Интенсивное преследование, начатое в послевоенные годы, привело в середине 60-х годов к значительному сокращению численности и ареала на большей части бывшего СССР. В ряде областей Европейской части России, на юге Украины, Прибалтики волки были или полностью уничтожены, или их оставалось так мало, что отдельные популяции утрачивали способность к воспроизводству (Бибиков, 1974; 1985; 1988; Гурский, 1978; Корчмарь, 1968; Макридин, 1957, 1972). Между тем, в отдельных местах сохранялись еще обширные территории, где волки оставались многочисленными: это Казахстан, Средняя Азия, Южная Сибирь, Кавказ (Бибиков, Филимонов, 1974).

Сокращение численности волка привело к повсеместному снижению интенсивности борьбы с ним. Это, вместе с улучшением экологических условий (рост численности диких копытных, лось, кабан, олень и др.), способствовало быстрому восстановлению его численности и ареала. За последние 50 лет этот процесс отмечен дважды. В конце 1960-х начале 1970-х годов волки после глубокой депрессии вновь заселили почти всю Европейскую часть России, Украину, Белоруссию, Прибалтику. К середине 70-х годов численность хищников в стране достигла 67 тыс. особей (Висящев, 1978). Увеличился ущерб домашним и диким животным, волку объявили войну. Волна активного преследования хищников продолжалась до конца 1980-х годов. После отмены денежной премии в 1990 г. волк фактически перешел в разряд охотничьих животных, существенно снизился и интерес к нему, как объекту научных исследований, контроль над популяциями был фактически утрачен. На фоне развала народного хозяйства начавшийся процесс восстановления популяций остался как бы в тени. В этой связи, попытка проследить этапы становления популяций на Кавказе представляется актуальной задачей. По мере восстановления ареала и роста численности неизбежно возникнет необходимость разработки стратегии управления популяциями.

Материал и методы исследования

В качестве объекта исследования взята популяция волков обитающих на территории Российского Кавказа. Здесь всегда, даже при глубокой депрессии сохранялись устойчивые очаги хищников как на охраняемых, так и хозяйственно используемых территориях.

Для суждения о численности и распределении волка в пределах региона, помимо личных сборов автора в период экспедиционных обследований основных местобитаний хищников, использованы литературные источники, отчеты «Летописи

природы» заповедников, обширные фенотеки (проанализировано более 600 тыс. фенокарточек) (табл. 1).

О заготовках и движении численности судили по данным Крайпотребсоюза, управлений охотничьих хозяйств краев, автономных и бывших союзных республик на Кавказе. Обширная сеть респондентов помогала контролировать ситуацию с хищниками в разных районах Кавказа. Все данные, полученные от респондентов, а также данные обширных фенотек заповедников подвергались тщательному критическому анализу с учетом общих тенденций отношения к хищникам в обществе.

Начиная с 1972 г. сначала в заповеднике, а затем в Краснодарском крае, а позже в остальных республиках Предкавказья организованы плановые учеты численности волка предложенным нами комбинированным методом:

Таблица 1

Количество регистраций встреч волков в Кавказском заповеднике с 1937 по 2006 гг.

год	регистраций	волков	год	регистраций	волков
1937	70	114	1976	229	596
1938	211	443	1972	364	912
1943	25	50	1973	512	1107
1944	161	172	1974	316	629
1946	170	289	1975	544	1243
1947	164	279	1977	303	602
1948	155	217	1978	230	495
1949	119	192	1979	180	366
1950	129	208	1982	131	209
1951	126	176	1983	112	189
1952	59	106	1984	96	133
1953	96	173	1985	102	126
1954	127	203	1986	83	109
1955	109	153	1987	76	100
1956	102	143	1991	77	162
1957	69	103	1992	34	89
1958	46	83	1993	58	121
1959	98	174	1994	49	109
1960	71	145	1995	53	126
1961	48	95	1996	61	138
1962	83	174	1997	56	116
1963	79	131	1998	49	85
1964	73	131	1999	102	118
1965	114	217	2000	76	93
1966	78	108	2001	79	106
1967	196	234	2002	68	87
1968	265	602	2003	59	74
1969	499	865	2004	69	78
1970	402	827	2005	63	80
1971	506	1127	2006	64	79

по «семейным участкам» весной и «на бабу» – осенью (Кудактин, 1982). После 1990 г., по мере сокращения численности волка и угасания интереса к нему, в связи с отменой денежной премии за истребление, специальные учеты и контроль заготовок шкур практически не проводятся.

Этапы становления современного ареала волка на Кавказе

Волк издавна населял обширные предгорные и горные районы Кавказа от уровня моря до субальпийских лугов, избегая только каменистого высокогорья и «бесплодных пустынь» (Динник, 1914). На широкое, но неравномерное распространение хищника указывали Динник (1910, 1914), С.И. Огнев (1931) и В.Г. Гептнер (1967). Это было обусловлено, прежде всего, разной интенсивностью хозяйственного использования региона, наличием и распределением диких копытных. Волков всегда было больше в Предкавказье и по северным склонам Главного Кавказского хребта. Несмотря на то, что распространение хищников за последнее столетие претерпело существенные изменения (Динник, 1914; Гептнер и др. 1967; Кудактин, 1985, 1998, 2007), его можно уложить в три основных периода.

Первый период: конец XIX начало-XX столетия и до Великой Отечественной войны. В этот период волки населяли все обширные ландшафтные зоны Северного Кавказа (Динник, 1914; Туров, 1928, 1930; Беме, 1936; Верещагин, 1959). Многочисленными были волки в Нагайской степи, на Ставропольской возвышенности, по Кубанским степям. В предгорьях и горах концентрировались в основном в районах интенсивного выпаса скота, в западной и восточной частях Главного Кавказского хребта. Сведения о численности и распространении хищника в Прикаспийской низменности, низовьях Терека, Сулака, Кумы крайне противоречивы. Н.Я. Динник (1910) писал, что волки в указанной местности довольно обычны, хотя их больше в Кубанской области и Дагестане. Позже Н.К. Верещагин (1959) отмечает прикаспийскую часть региона, как зону высокой плотности населения хищников, где в 1930-е годы выход шкур с 1000 км² составлял более 11 (Верещагин, 1959). По его же данным, многочисленными волки были в Нагайской степи, на Ставропольской возвышенности, по Кубанским степям. В предгорьях и горах концентрировались в основном в районах интенсивного выпаса скота, на Западной и Восточной частях Главного Кавказского хребта. В.Г. Гептнер (1967), напротив, считал указанное место малозаселенным волками. Если принять во внимание, что волков с равной интенсивностью преследовали по всей равнинной и предгорной части региона, то можно полагать о наличии основных очагов повышенной плотности, сконцентрированных на Западном и Восточном Предкавказье. В Центральной части, включая Ставропольскую возвышенность и Терско-Сунженский хребет, их всегда было меньше.

Интенсивное освоение равнины, а затем предгорий Кавказа сопровождалось распашкой степей, уничтожением обширных кустарниковых зарослей, истреблением хищников. По сообщениям старожилов (опросные данные) и охотников-волчатников И.И. Скорикова, И.З. Мушихина (личное сообщение), занимавшихся добычей волков с 1945 г., резкое сокращение численности произошло на рубеже 1950–1960-х годов. С 1955–1957 гг. в разных частях региона отмечено массовое переселение волков с равнины в предгорья и горы. Эти сообщения косвенно подтверждаются

данными заготовок шкур (рис. 1). Отработанные, хорошо организованные меры борьбы с хищниками на равнине, стали пробуксовывать в горах. Основной же причиной эмиграции и сокращения добычи хищников, видимо, было не интенсивное преследование, а разрушение основных местообитаний. К этому периоду в горных районах Кавказа начала формироваться система особо охраняемых территорий, где с волком хотя и боролись, но эффективность мероприятий из-за сложного горного рельефа была невысока.

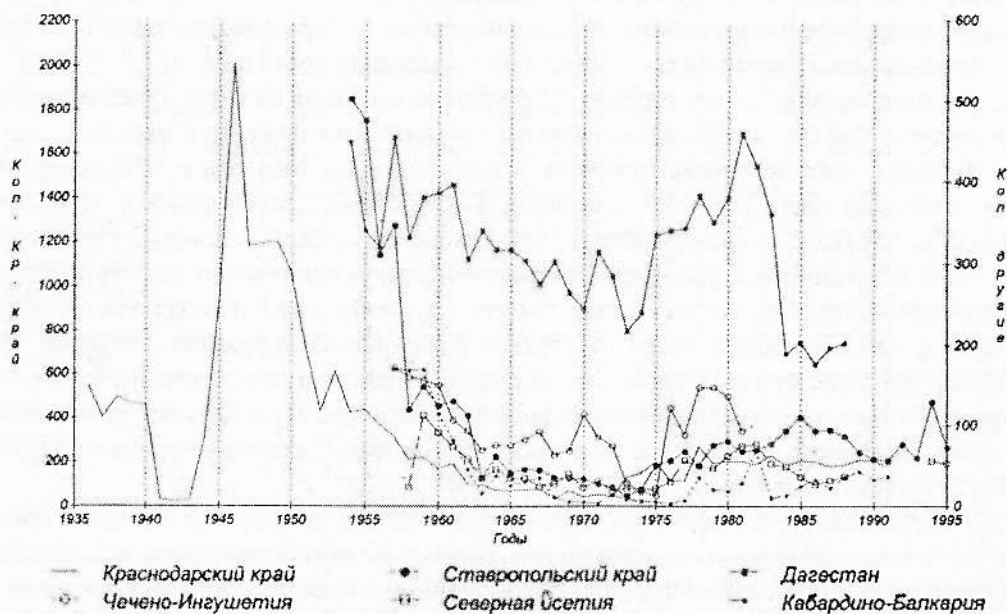

Рис. 1. Заготовки шкур волка на Северном Кавказе

В 1960-х годах волк практически исчез с равнинных районов Ставрополя, Краснодарского края, Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечено-Ингушетии, малочисленным стал в Калмыкии и полупустынях Дагестана (Котов, Рябов, 1963, Бибииков, 1985, Бибииков, Филимонов, 1974, Кудактин, 1979, 1998). К этому времени в предгорной и горной частях региона сформировались немногочисленные, но устойчивые очаги обитания хищников.

Второй период: начало 1960-х годов середина 1970-х годов (Котов, Рябов, 1963), характеризуется минимальными заготовками шкур и низкой численностью популяции. Вместе с тем, спад темпов добычи, в связи с сокращением общей численности, не может объективно отражать динамику популяции. Сохранение репродуктивного ядра в предгорной и горной частях способствовало быстрому ее восстановлению в основных районах обитания почти до уровня послевоенных лет. В пределах региона в этот период сложилась сложная мозаичная структура волчьих поселений.

Один из крупных очагов обитания волков сохранялся на Западном Кавказе, преимущественно в Краснодарском крае. Известен он давно (Динник, 1914) и

существует благодаря обилию домашних и диких животных, большому разнообразию природных мало урбанизированных ландшафтов.

На рубеже 1960-х годов, когда волка полностью истребили или вытеснили с равнинной части края (Котов, Рябов, 1963), их выводки по-прежнему находили по всей предгорной и горной части края. Основными местами обитания хищников оставались территория Кавказского заповедника (Дуров, 1974, Кудактин, 1979) и окружающие его заказники, а также горно-лесные Лабинский, Тульский, Мостовской, Апшеронский, Северский, Отрадненский районы. По мере спада интенсивности истребительских работ местная популяция быстро восстановилась. Звери появились практически во всех горно-лесных районах края (табл. 2).

Граница пульсирующего ареала, проходившая по линии Крымск–Северская–Белореченск–Лабинская–Отрадная, заметно продвинулась на север и восток.

Близкая, хотя несколько отличная ситуация прослеживалась в этот период и на остальной части региона. Восточнее, в равнинном Ставропольском крае, где волка всегда было меньше, к началу 1960-х годов он сохранился лишь в отдельных горных и предгорных районах: Преградненском, Зеленчукском, на территории Карачаево-Черкесии. Вместе с тем, считать, что связь разрозненных очагов нарушилась, нет оснований, ввиду отсутствия реальных изолирующих барьеров. На обширных просторах Ставропольской возвышенности и полупустынной зоне по границе с Калмыкией и Дагестаном в зимние месяцы раз в три-пять лет, отмечались заходы отдельных зверей и пар со стороны Дагестана. Логовищ в период с 1958 по 1972 гг. здесь не находили.

Небольшая группировка волков предгорной части в междуречье Большой Лабы и Зеленчука находилась под жестким контролем и, видимо, существовала благодаря подпитке со стороны пограничного Краснодарского края, в основном Кавказского заповедника.

В центральной части Кавказа, в горной Кабардино-Балкарии волки сохранялись в зонах интенсивного отгонного животноводства на территории Чегемского, Баксанского, Малкинского ущелий (Темботов, 1972). Звери здесь находились под жестким контролем, выход их на равнину по долинам рек практически был закрыт многочисленными посёлками с интенсивным использованием низкогорных лесов. Высокогорная Кабардино-Балкария никогда не была местом высокой плотности популяции. В предгорной и равнинной частях республики (Малой Кабарде) пригодных мест для обитания волка к середине 1970-х гг. не осталось вообще. Сведений о встречах хищников после 1960 г. отсюда не поступало.

Близкая ситуация прослеживалась и на большей части Северной Осетии, где волков тоже было немного. Высокогорная часть республики, где вся площадь горных лесов равна лесопокрытой территории одного только Кавказского заповедника, интенсивно используется под отгонное животноводство. Республика одна из наиболее плотно заселенных. Здесь проживает более 125 человек на 1000 км². Равнинная часть республики, Моздокский район, полуизолированно расположенная в среднем течении р. Терек, находится на границе с равнинной частью Ставрополья. Волки здесь всегда были большой редкостью. В республике основными волчьими районами оставались горные:

Динамика заготовок шкур волка в Краснодарском крае
(данные управления охотничьего хозяйства)

Районы	S, леса тыс. га	Количество истребленных волков												
		1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	
Абинский	65	2	-	-	-	-	-	8	-	1	4	11	8	
Анапский	56	-	-	-	-	1	-	-	5	3	3	5	7	
Апшеронский	183	8	-	1	-	-	6	5	12	27	18	25	26	
Адлерский	180	5	3	2	8	1	11	6		12	5	3	10	
Белореченский	50	17	10	1	-	-	-	7	2	22	16	3	10	
Лабинский	231	28	4	43	20	14	17	56	40	72	10	57	56	
Лазаревский	131	-	5	-	1	-	1	3	2	5	4	5	13	
Отраденский	14	1	-	-	-	2	-	2	4	-	11	-	7	
Новоросийский	46	4	8	-	-	-	-	-	-	1	8	16	10	
Северский	92	6	-	-	-	-	-	1	2	-	15	4	11	
Горяче-Ключевской	120	4	4	3	2	3	2	16	10	23	25	13	7	
Туапсинский	211	3	1	-	-	13	-	1	-	8	6	-	11	
Адыгейский	167	4	5	5	8	16	10	20	14	20	25	22	22	
Всего	1546	82	40	55	39	50	47	125	91	194	150	164	198	
		1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	
Абинский	65	11	6	4	9	2	11	3	5	4	8	12	9	
Анапский	56	8	2	1	4	3	1	1	2	2	6	2	4	
Апшеронский	183	23	31	29	24	28	26	40	27	30	24	22	27	
Адлерский	180	3	8	4	6	11	9	8	12	9	16	14	10	
Белореченский	50	12	7	6	5	7	8	10	6	4	12	9	8	
Лабинский	231	59	61	55	47	62	48	54	52	51	47	54	50	
Лазаревский	131	16	10	8	11	7	9	6	12	7	5	10	9	
Отраденский	14	12	9	5	6	11	7	8	6	5	7	9	9	
Новоросийский	46	10	6	4	8	2	2	4	1	3	5	3	2	
Северский	92	9	8	11	6	12	8	3	7	5	9	9	8	
Горяче-Ключевской	120	16	18	19	15	19	14	16	17	15	12	13	16	
Туапсинский	211	14	9	10	8	11	5	3	12	6	4	6	8	
Адыгейский	167	52	22	36	27	30	32	33	37	30	23	43	34	
Всего	1546	245	197	192	181	219	180	189	196	171	178	202	194	

Дигорский, Алагирский, Ирафский. Численность зверей, при хорошо поставленной службе охотнадзора, начиная с первых послевоенных лет, жестко контролировалась. Проблемы глубокого сокращения численности или полного истребления здесь никогда не стояло, хотя реально могло быть осуществлено. Ситуация осложнялась только ежегодной подпиткой территории волками-мигрантами из Грузии и Чечни.

Горная и предгорные части Чечни и Ингушетии до 1957 г., начала возвращения репатриированных в Казахстан в 1942 г. чеченцев и ингушей фактически были заповедной. Здесь, видимо, существовала устойчивая группировка, состоящая из оседлых волчьих семей в зимние месяцы, пополнявшаяся мигрантами из Грузии и соседнего Дагестана. Волки всегда были обычными в Веденском, Наурском, Ножай-Юртовском, Ачхой-Мартановском, Советском районах. Интенсивного специального преследования из-за специфического «терпимого» отношения местного населения к хищнику, здесь не было никогда.

Особое место на Северном Кавказе всегда занимал Дагестан. По данным Т.Д. Хехневой (1972) волк обычен по всей территории республики, от Ногайских степей и полупустынь, низовий Терека, Сулака, Самура, до предгорной и горной частей центрального Дагестана. Здесь, видимо, с давних времен существует полуномадная группировка хищников, связанная с кочевым отгонным животноводством. Весной скот поднимался на высокогорные пастбища, осенью перегонялся обратно на равнину, где в зимние месяцы нет снега. Вслед за овцами и крупным рогатым скотом шли волки. Ситуация была близкой к миграции хищников за диким северным оленем на Таймыре (Макридин, 1957). По сообщению старейшего охотоведа Дагестана Ю.В. Пишванова (личное сообщение), бригады охотников заблаговременно выезжали в равнинные районы, где ежегодно устраивали облавы в специально оставленных куртинах тростника. В «удачные» дни добывали по 8–14 волков разного возраста и пола. Часть зверей при этом уходила обратно в горные районы, другие прорывались на равнину, откуда могли мигрировать в Ставрополье, Калмыкию или вдоль морского побережья уходить до самой Астрахани. Даже в этот период всеобщей депрессии численности хищника в регионе, на территории Дагестана существовала устойчивая группировка с достаточно высокой численностью. В республике сложно выделить основные волчьи очаги. Обитают они в 18 из 25 районов, особенно многочисленны на Гунибском плато, между реками Аварское Койсу и Самур.

Третий период: середина 1970-х – начало 1990-х гг. Характеризуется повсеместным увеличением численности волка. Процесс этот характерен практически для всего ареала вида. Повсеместное сокращение численности хищников способствовало угасанию регуляционных мероприятий, хотя они не прекращались. В результате природоохранных акций и протестов общественности во многих регионах было запрещено применение ядов и других общепасных способов истребления. Оставшиеся волчьи семьи сконцентрировались, в основном, на охраняемых территориях, площадь которых к середине 1980-х годов превысила 63 млн. га в целом по России и 1,8 млн. га на Кавказе. Немаловажную роль имела

и утрата профессиональных кадров охотников-волчатников, оставивших ставший неодоходным промысел.

Существуют различные мнения относительно причин роста волчьих популяций. Так, М.П. Павлов (1990), анализируя ситуацию конца 1970 – начала 1980 гг., считает, что причиной «волчьего засилья» стал застой народного хозяйства и развитие антиохотничьих тенденций в обществе. Сходное мнение выразил и О.К. Гусев (1978), указав на явно негативные тенденции в обществе по идеализации природы: «в природе нет ничего вредного, лишнего». На Кавказе движение в защиту волка никогда не было заметным, хотя ученые-зоологи, основываясь на объективных данных, поднимали вопрос о сохранении хищников в крупных заповедниках (Котов, 1969; Голгофская, 1971). Вместе с тем, соглашаясь с М.П. Павловым, О.К. Гусевым и другими, следует отметить особое мнение по этому вопросу академика С.С. Шварца (1976) «...Прямой учет полезности или вредности данного биологического вида для людей может быть произведен только специалистами. Между тем, многие явления природы кажутся столь простыми, что судить о них позволяет себе любой. Судить о проблемах квантовой механики или популяционной генетики может только специалист, не специалист просто не знает, что по этому поводу можно сказать. А вот о том, следует ли волка охранять или истреблять, рассуждают все, и в недавней длительной дискуссии трезвые голоса биологов-охотоведов просто потонули среди безапелляционных высказываний людей, которые никогда волка не видели за пределами зоопарка. Между тем, проблема «хищник-жертва» ни по своему значению, ни по своей сложности не уступает любым проблемам физики или генетики. Попытки математического моделирования этой проблемы показало это с полной очевидностью» (Шварц, 1976, стр. 149).

На Западном Кавказе в этот период отмечено расширение площади ареала хищника. Начатые нами работы по контролю популяции позволили выявить основные очаги обитания (рис. 2) и с достаточной достоверностью оценить численность. В период с 1972 по 1991 гг. волки населяли всю горно-лесную зону Краснодарского края, включая Кавказский биосферный заповедник. Поскольку этапы формирования популяции горной части Западного Кавказа и Кавказского заповедника происходили синхронно, это дало основание В.В. Дурову (1974) выдвинуть гипотезу о Кавказском заповеднике, как центре волчьей популяции.

В определенной мере это, видимо, верно, поскольку заповедник с окружающими его заказниками и спецохотхозяйствами к началу 1980-х годов составлял ядро крупной системы особо охраняемых территорий региона площадью около 800 тыс. га. Если границы продолжить на восток в междуречье Малой и Большой Лабы, занятую Дамхурцевским заказником Ставропольского края и далее на Архызский участок Тебердинского заповедника, то площадь особо охраняемых горных ландшафтов превысит 1000000 га. Весь этот западно-кавказский природоохранный комплекс можно с уверенностью выделить в биосферный регион, функционирующий с конца 1960 годов, но остающийся в сложной взаимосвязи с расположенными ниже урбанизированными ландшафтами.

Рис. 2. Размещение волчьих семей в Кавказском заповеднике

Распространение и численность волка на охраняемых территориях Западного Кавказа

Историю Западно-Кавказского волчьего очага удобно проследить на примере формирования популяции волков Кавказского заповедника, который до начала 1950-х годов был единственным природоохранным учреждением региона.

Первый период: Конец прошлого столетия – середина 1950-х годов. Волка в заповеднике во все времена рассматривали, как прямого врага оленя, тура, серны, кабана и зубра. Ещё в прошлом столетии егеря Кубанской охоты (с 1886 по 1909 годы современная территория заповедника была охотничьей дачей династии Романовых – «Великокняжеская Кубанская охота») ежегодно травили ядами и ловили капканами по 10–15 зверей в год (Шильдер, 1898). Н.Я. Динник (1914), посещавший эти районы, отмечал повсеместные встречи волков. Во времена Первой мировой и Гражданской войн и до организации заповедника (1924) с волком практически не боролись, как, видимо, и по всему региону, что способствовало увеличению численности. С.С. Туров (1930), посетивший заповедник в те годы, отмечал встречи следов хищников в местах выпаса домашних животных на сопредельных с заповедником территориях и всём маршруте экспедиции, проходившем от Псебая до Красной Поляны.

Волка не преследовали и в первое десятилетие существования заповедника. Наблюдатели при случайных встречах добывали по 10–15 хищников в год (Теплов, 1936; Анисов, 1938). Следы их деятельности регистрировали повсеместно, но чаще

на высокогорных пастбищах Умпырь–Магишо, Бамбак–Джуга, Лагонаки, Аишхо (Туров, 1932). По мнению В.П. Теплова (1938), высокая численность волков в этот период была следствием явно вредных тенденций отказа борьбы с хищниками, основанными на необходимости сохранения существующих соотношений в природе.

С 1936 г. в заповеднике начато плановое систематическое исследование биологии и одновременно уничтожение хищников. В период с 1938 по 1941 гг. волки населяли всю охраняемую территорию от пояса низкогорных широколиственных лесов до альпийских лугов включительно (Теплов, 1938). С.С. Донауров (1939), руководивший мероприятием по истреблению хищников, указывает 25 мест волчьих логовов с заповеднике и сопредельной с ним территории (рис. 3). Они в основном совпадали с местами постоянного обитания хищников, описанных Н.Я. Динником (1914). По данным В.П. Теплова (1938) и А.В. Федосова (1938) в эти годы в заповеднике обитало не менее 100 волков. С 1938 по 1940 гг. истреблено 68 хищников разного возраста и пола, что составило 23 зверя в год или около 25% имевшегося поголовья. Военные и первые послевоенные годы, видимо, были благополучными для хищников, поскольку истребительных мероприятий не проводилось. Судя по имеющимся фондовым материалам, в первое послевоенное пятилетие волков было не меньше, чем в середине 1930-х годов, среднегодовое изъятие составляло 24 особи (Котов, 1965). Однако при сохранявшихся темпах добычи (22 особи в год) с 1951 по 1955 гг. общая численность хищников сократилась до 60–80 особей. В этот период интенсивно применялись яды, что могло способствовать неучтенной гибели значительного количества зверей.

К началу **второго периода** (1960–1970 гг.) популяция волков Кавказского заповедника приблизилась к фазе глубокой депрессии. С 1961 по 1965 гг. зарегистрировано наименьшее число встреч с хищниками (73). Вместе с тем, волчьи выводки отмечались в районе Марьенкиной поляны, по реке Безымянной, на отрогах хребта Пшекиш, пастбище Абаго, по долине реки Шиша в Северном отделе заповедника. По долине Малой Лабы, на хребте Трю и ряде других ущелий остальных трех отделов. Таким образом, волки, хотя и в меньшем числе, регистрировались практически во всех ущельях заповедника, отмеченных А.В. Федосовым (1938) и С.С. Донауровым (1939) для конца 1930-х годов. Такое тяготение хищников к определенным местам, несмотря на интенсивное преследование, на протяжении многих десятилетий, видимо, обусловлено не только выраженным территориальным консерватизмом (Зворыкин, 1939; Гурский, 1978; Кудактин, 1994, 1998, 2006), но и особенностями горного рельефа и связанного с ним распределения копытных. Наличие таких очагов «стаций переживания» (Формозов, 1956; Наумов, 1963), видимо, имеет важное эволюционное значение в жизни вида.

Начиная с 1966 г., волков в заповеднике почти не преследовали, обосновывая это необходимостью естественным путем ограничить возросшее поголовье копытных (Котов, 1969; Голгофская, 1970). Прекращение преследования при обилии корма способствовало взрыву его численности. Мозаика размещения волчьих семей по территории заповедника в 1970 г. приблизилась к аналогичным данным предвоенных и первых послевоенных лет. Учитывая, что территория, пригодная для обитания волков, осталась прежней, увеличение численности произошло за счет сокращения

участков обитания отдельных семей, ставшее возможным благодаря увеличению поголовья копытных. По данным В.Н. Александрова (1968) и В.А. Котова (1968), за годы существования заповедника численность копытных на его территории возросла более, чем в три раза и превысила 30 тыс. голов. Численность волка в этот период приблизилась к 100–120 особям, что согласуется с оценкой размера популяции В.В. Дуровым (1974). Следует отметить, что с 1966 по 1972 гг. контроль над популяцией не проводился, поэтому оценить темпы её роста и освоения территории сложно. Можно лишь констатировать, что процесс этот проходил синхронно с ростом и уплотнением популяции хищников в пределах всего региона.

Начало специальных исследований волка в заповеднике совпало со временем интенсивного повсеместного преследования с 1972 по 1985 гг.. Развитие популяции пошло под жестким контролем человека. Таким образом, даже на заповедной территории формирование популяции было втиснуто в рамки антропогенного воздействия, интенсивность которого была не ниже, чем на сопредельных территориях. Кампания борьбы с волком начала набирать силу. Одна крайняя мера – полное отсутствие контроля популяции, была заменена другой – жесткое повсеместное регулирование. Начаты плановые учеты численности.

Процесс этот на Кавказе, в сравнении с Европейской частью России, пошел с опережением на 3–5 лет (Павлов, 1990). Вместе с тем, несмотря на начинавшиеся истребительные меры, процесс формирования пространственных границ популяции продолжался. В период с середины 1970-х годов до конца 1980-х годов в Предкавказье заготавливали 600 ± 50 шкур волка. Однако заметного сокращения площади ареала и численности по отдельным районам не было. Последнее стало возможным, видимо, благодаря сложившемуся балансу между численностью и изъятием. Популяция выдерживала 25–30 % промысловую нагрузку при обилии пищи и сохранении пригодных для обитания территорий. Вероятен и другой аспект сложившегося равновесия – запрет применения ядов, фактически снимающий неизбирательную элиминацию, особенно в синантропной части популяции. Борьба с волком в горах – многотрудное занятие. Контингент охотников-волчатников, занимающихся изъятием щенков, невелик, другие способы контроля популяции эффективны или при высокой численности, или в малооблесенных предгорьях, и на равнине, в связи с чем, горная часть стала своеобразным резерватом хищников.

Третий период (1970–2006 гг.): характерен как наиболее исследованный этап формирования популяции не только на заповедных, но и хозяйственно используемых территориях. Интенсивный рост численности волка на заповедной территории и появившиеся факты массовой гибели копытных (Дуров, 1974) послужили основанием для начала регуляционных мероприятий. Впервые проведенный в 1972 году тщательный учет численности с картированием участков обитания показал, что на заповедной территории площадью 263 тыс. га обитают 147 волков, объединенных в 21 семью. Плотность – 0,76 особей на 1000 га, средний размер охотничьего участка – 7,7 тыс. га лесной площади или 8,8 тыс. га с охватом субальпийского и альпийского поясов гор. Принимая во внимание возможный недоучет отдельных семей, одиночных и «нетерриториальных» зверей (Кудактин, 1978) общая численность оценена в 150–160 зверей, что близко

к теоретической расчетной величине 180 особей. Столь высокая численность волка в заповеднике отмечена впервые за весь период его существования с 1924 года. Последнее обусловлено, прежде всего, искусственно созданной высокой численностью диких копытных. В конце 1960-х годов, по данным В.А. Котова (1968), В.Н. Александрова (1968), суммарная численность копытных в заповеднике превысила 35 тыс. особей при плотности 133 особи на 1000 га. После необычайно суровых зим 1971–1972 гг. и 1975–1976 гг. численность копытных сократилась до 22 тыс., меньше стало и волков. Процесс стабилизации волчьей популяции, наметившийся к концу 1970-х гг., сохранялся и в последующие десятилетия, несмотря на изменение стратегии отношения к хищнику. Тотальное преследование было заменено дифференцированным контролем популяции с переносом основных регуляционных мер в охранную зону. Волки по-прежнему населяли всю пригодную для обитания территорию, но конфигурация и размеры семейных участков изменились, как и сезонное их освоение. Это стало следствием изменения территориального перераспределения копытных, обусловленное прекращением закладки искусственных солонцов.

Аналогичные процессы происходили и в целом по региону. Интенсивный всплеск истребительских мероприятий, начатый в начале 70-х гг., стабилизировался на уровне 500–600 особей (Кудактин, 1995). В пределах региона сформировались три обособленных очага обитания хищников (Кудактин, 1985), отличающихся не только численностью, но и эволюционной судьбой. Сделанные нами предположения о возможном уничтожении центрально-кавказской группировки не оправдались.

В течение рассматриваемого периода в восточной части региона (Дагестан) наметились тенденции расширения ареала. Так, в период с 1984 по 1990 гг. волки неоднократно появлялись на западных отрогах Терско-Сунженского хребта на границе трех республик. Отмечены заходы одиночных зверей в пограничные с Дагестаном Ставропольские степи. Это может быть обусловлено изменившимися природными условиями полуаридной зоны Ставрополья. Интенсивная борьба с эрозией почв путем создания лесозащитных полос от левобережья Терека вдоль Терско-Кумского канала до Ставропольской возвышенности создали дополнительные защитные станции. Подъем уровня Каспийского моря способствовал образованию в степях большого количества мелких озер с зарослями тростника (Кудактин, 1989). Волка стали добывать в Степновском, Нефтекумском, Курском районах Ставропольского края, Малгобекском – Ингушетии, Моздокском – Северной Осетии, где после 1960 г. зверей более 20 лет никто не встречал вообще.

Дальние заходы волков на запад отмечены в это время и в Краснодарском крае. Так, по сведениям охотинспекторов Управления охотничьего хозяйства, хищники стали появляться в Геленджикском и Новороссийском районах, где их более 15 лет не было. В 1990 г. одного волка добыли в районе Анапы. Позже их стали отстреливать на равнине в Кушевском, Павловском, Выселковском районах. В этот период отмечена стабилизация численности территориального распределения волка на территории Кавказского заповедника. Можно полагать, что популяция вступила

в фазу естественной флуктуации пространственной и экологической структуры, и при отсутствии прямого вмешательства дальнейшее ее развитие пошло естественным путем.

Тенденции расширения ареала, наметившиеся к началу 1990-х гг., практически на всей территории региона, получили развитие после отмены государственной премии за добытого зверя в 1991 г. и началом межэтнического конфликта сначала в Абхазии, а затем в Чечне. Волк после 20-летнего интенсивного преследования вновь получил вольную и фактически перешел в разряд охотничьего животного. Подтвердились опасения о флуктуации кампании борьбы с волком. Но, в отличие от прошлых лет, произошло это не в период глубокой депрессии популяций, а при относительно стабильной численности с явными признаками расширения ареала.

Современный период, начиная с 1991 г., характерен повсеместным интенсивным расселением волка. В западной части, на территории Краснодарского края, хищники распространились до Анапы, Новороссийска, обычными стали в Северском, Геленджикском, Крымском, Павловском, Кушевском районах. На север продвинулись в плавневую зону и на равнину до левобережья р. Кубань. Современный ареал вида в регионе приблизился к границам конца прошлого, начала текущего столетия (рис. 3). Отмеченный обратный процесс эмиграции волка с гор на равнину, степную зону произошел через сорокалетний период времени и по временному интервалу совпал с таковым у барса. Стал он следствием не столько упадка сельскохозяйственного производства, сколько результатом изменения естественных станций обитания и стратегии отношения к хищнику. Многолетнее интенсивное хозяйственное использование земель с началом перестройки резко пошло на убыль. Появились большие площади необрабатываемых полей. Полезащитные лесополосы, сформированные в начале 1950-х гг., стали основными станциями для многих видов животных. И, наконец, существенную роль в переселении волков на равнину имели военные действия в разных районах Кавказа.

В 1992 г., с началом грузино-абхазского конфликта, отмечена большая подвижка волков на запад в Краснодарский и Ставропольский края. Хищники перемещались вдоль Главного Кавказского хребта. Попав на занятую оседлыми волчьими семьями территорию Кавказского заповедника, они выдавливались в предгорья и на равнину. Эмиграционная волна продолжалась всего два года, после чего часть зверей возвратилась в прежние места обитания, или рассредоточилась по ранее незанятым предгорным территориям, или вышла на равнину. Расширение ареала в это период отмечено и в центральной части Кавказа. Бывшая изолированная центрально-кавказская популяция стала интенсивно расти в численности и расширять ареал. В восточной части сложились предпосылки ее объединения с восточно-кавказской группировкой.

Особенно заметное расширение ареала волка произошло на северо-востоке региона, в частности, в горном Дагестане. По сообщениям старейшего охотоведа республики Ю.В. Пишванова (личное сообщение), волки, как и прежде, занимают всю территорию республики. Больше их стало в предгорной, степной и полупустынной зонах: Тарумовском, Кизлярском, Ногайском, Кочубеевском районах, где

в последние годы волки успешно размножаются. Отсюда хищники расселяются дальше на север и запад, проникают в Калмыкию, где всего 15 лет назад их практически не было (Бибиков и др., 1985). Возник равнинный, степной волчий очаг в Ставропольском крае. Начиная с 1991 по 1995 гг., хищники освоили Курский, Степновский и значительную часть Нефтекумского района. Появились первые выводки. Можно полагать, что процесс расширения (восстановления) ареала вида в регионе не завершен. Значительная трансформация степной и полуаридной зон Предкавказья пока сдерживает этот процесс, хотя уже и теперь с полной уверенностью можно констатировать существование горной и степной частей популяции волков Предкавказья. По спектру и набору основных кормовых объектов их можно условно разделить на диких – существующих за счет диких копытных – это хищники, населяющие Кавказский заповедник; полусинантропных – обитателей горной части региона и синантропных – заселивших равнину.

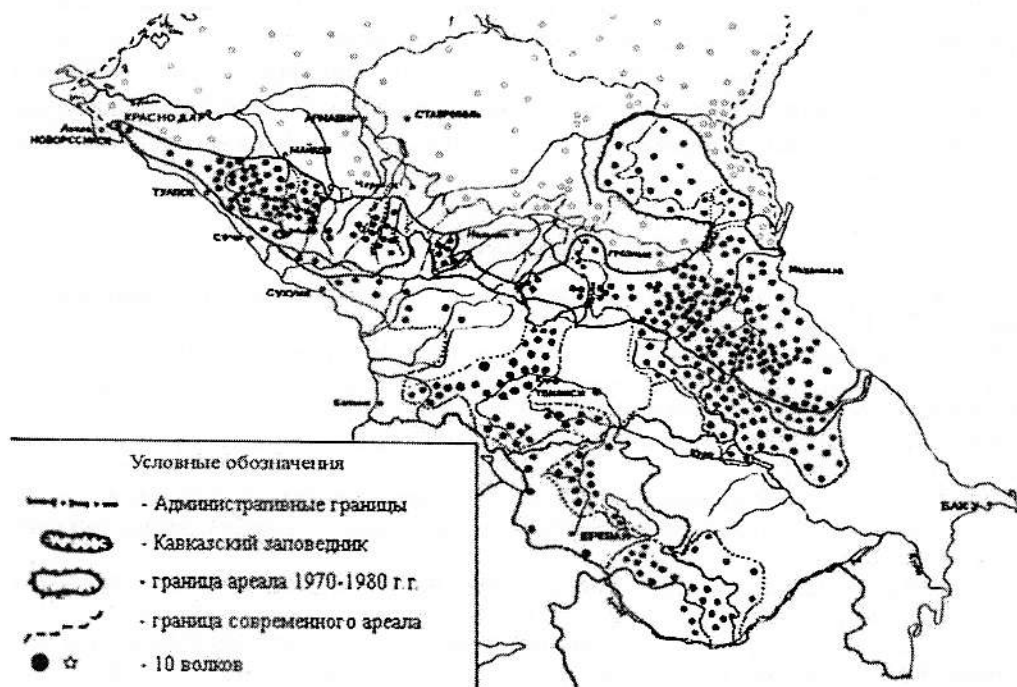

Рис. 3. Современный ареал волка на Кавказе

Прогнозировать дальнейшие тенденции развития формирующейся географической популяции сложно, хотя можно предположить реальное увеличение численности и ареала синантропной части. В горах, где условия обитания более сложные, а площади основных местообитаний ограничены, заметного увеличения численности, видимо, не произойдет. Вероятнее всего здесь сложится сбалансированная система: волк – добыча – емкость местообитаний. Приоритетное значение в этой системе будет иметь звено: пищевые объекты – местообитания, как это и прослеживается с 1986 г. в Кавказском заповеднике. Здесь при фактически снятом прессе охоты,

на фоне сокращения численности копытных (Кудактин, 1996) популяция волка стабилизировалась на уровне 11–13 полных семей и четырех-пяти групп нетерриториальных зверей.

Заключение

Таким образом, начиная с 1990 г., отмечено интенсивное расселение волков в предгорную часть и освоение равнины. Процесс этот предшествовал межнациональным конфликтам, а с их началом принял массовый характер. Уже в 1992 г. отмечена подвижка хищников на запад вдоль Главного Кавказского хребта. Волки вновь появились в равнинных районах Краснодарского края, где их не было более 20 лет. Бывшая изолированной центрально-кавказская популяция практически полностью восстановилась и расширила ареал на восток и запад.

Аналогичные процессы происходят в восточно-кавказской географической популяции. Волки освоили практически всю Прикаспийскую низменность, часть степного Ставрополя, где с 1992 г. постоянно находят выводки. Значительная трансформация степной и полуаридной зон Предкавказья пока сдерживает дальнейшее расширение ареала, но, вероятно, уже в ближайшее время он восстановится в границах конца прошлого – начала текущего столетия. Уже теперь с полной уверенностью можно констатировать существование крупной горно-лесной и степной популяций волка.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров, В.Н. Экология кавказского оленя / В.Н. Александров // Тр. Кавказского гос. заповедника. – М., 1968. – Вып. X. – С. 95–200.
- Бемс, Л.Б. Дикие звери Северо-Кавказского края / Л.Б. Бемс. – Пятигорск, 1936. – С. 14–18
- Бибииков, Д.И. Волк: проблема управления популяциями / Д.И. Бибииков, А.Н. Филимонов // Охота и охотничье хозяйство. – 1974. – № 4. – С. 5–7
- Бибииков, Д.И. Пространственная структура / Д.И. Бибииков, А.Н. Филимонов // Кн. Волк. – М.: Наука, 1985. – С. 408–415.
- Верещагин, Н.К. Млекопитающие Кавказа / Н.К. Верещагин. – М.: JL., 1959. – 541 с.
- Висящев, Г.В. Смотреть через прорезь прицела / Г.В. Висящев // Охота и охотничье хозяйство, 1988. – № 9. – С. 13.
- Гептнер, В.Г. Млекопитающие Советского Союза / В.Г. Гептнер, Н.П. Наумов, П.Б. Юргенсон. – М.: Высш. школа, 1967. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 123–235
- Голгофская, К.Ю. Рост населения копытных и состояние кормовых угодий Кавказского заповедника / К.Ю. Голгофская // Бюлл. МОИП Отд. биол. – Т. 125. – вып. 4. – 1970. – С. 9–16.
- Гусев, О.К. Как быть с волком / О.К. Гусев // Наш современник. – № 5. – С. 137–144.
- Гурский, И.Г. Волк в северо-западном Причерноморье (участок обитания, структура популяции, размножение) / И.Г. Гурский // Бюлл. МОИП, Отд. биол. – 1978. – Вып. 3 – С. 29–38.
- Динник, Н.Я. Звери Кавказа / Н.Я. Динник. – Тифлис, 1910. – Ч. 1. – 246 с.
- Динник, Н.Я. Звери Кавказа / Н.Я. Динник. – Тифлис, 1914. – Ч. 2. – С. 126–418.
- Донауров, С.С. Биологическое обоснование методов борьбы с волком в Кавказском заповеднике: рукопись / С.С. Донауров. – 1939.
- Дуров, В.В. Волки и копытные в Кавказском заповеднике / В.В. Дуров // Охота и охотничье хозяйство. – 1974. – № 7. – С. 12–13.
- Зворыкин, П.А. Волк и борьба с ним / П.А. Зворыкин. – Изд. 2-е. – М.: КОИЗ, 1939. – 111 с.
- Корчмарь, Н.Д. Экология хищных зверей и их экономическое значение в Молдавии / Н.Д. Корчмарь // Автор. дисс. ... канд. – Кишинев, 1968.

Котов, В.А. Промысловые и ценные млекопитающие предгорных и горных районов Краснодарского края / В.А. Котов, Л.С. Рябов // Тр. Кавк. гос. зап. – Вып. VII. – Майкоп, 1963. – С. 182–198.

Котов, В.А. Борьба с волками в Кавказском заповеднике / В.А. Котов // Тр. Кав. гос. зап. – Вып. VIII. – Майкоп, 1965. – С. 182–184.

Котов, В.А. Кубанский тур, его экология и хозяйственное значение / В.А. Котов // Тр. Кавк. гос. зап. – Вып. X. – М.: Лесная промышленность, 1968. – С. 201–293.

Котов, В.А. О необходимости сохранения волка в биоценозах Кавказского заповедника // Сб. «Естественная производительность и продуктивность охотничьих угодий» / В.А. Котов. – Киров, 1969. – С. 36–37.

Кудактин, А.Н. Территориальное размещение и структура популяции волка в Кавказском заповеднике / А.Н. Кудактин // Бюлл. МОИП, отд. биол. – Т. 84. – Вып. 2. – 1979. – С. 56–65.

Кудактин, А.Н. Экологические основы регулирования численности волка / А.Н. Кудактин // Сб. «Обогащение фауны и разведение охотничьих животных». – Киров, 1982. – С. 145.

Кудактин, А.Н. Взаимоотношения волка и копытных в Кавказском заповеднике / А.Н. Кудактин // В кн.: «Экология, охрана и использование хищных млекопитающих в РСФСР»: сборник научных трудов. – М., 1982. – С. 65–73.

Кудактин, А.Н. Волк Западного Кавказа: Экология, поведение, биоэкологическое положение / А.Н. Кудактин // Автореф. дисс. ... канд. – М., 1982. – 22 с.

Кудактин, А.Н. Охотничьи повадки волков на Западном Кавказе / А.Н. Кудактин // Бюлл. МОИП, отд. биол. – Т. 87. – Вып. I. – 1982. – С. 24–30.

Кудактин, А.Н. Северный Кавказ / А.Н. Кудактин // В кн.: «Волк» – из серии «Виды фауны СССР и сопредельных стран». – М.: Наука, 1985. – С. 493–497.

Кудактин, А.Н. Размножение и структура популяции (размножение) / А.Н. Кудактин, П.И. Данилов // В кн.: «Волк» – из серии «Виды фауны СССР и сопредельных стран». – М.: Наука, 1985. – С. 378–389.

Кудактин, А.Н. Состояние популяций некоторых охотничье-промысловых животных в аридной зоне Ставрополя / А.Н. Кудактин // Сб. «Экологические проблемы Ставропольского края и сопредельных территорий»: тезисы докл. научн. практ. конф. – Ставрополь, 1989. – С. 326–330.

Кудактин, А.Н. Методические рекомендации по выявлению взаимоотношений популяций хищников, копытных и растительных сообществ горных экосистем биосферных заповедников / А.Н. Кудактин, М.В. Придня, Р.Н. Семагина. – Сочи, 1989. – 52 с.

Кудактин, А.Н. Волк в заповедниках Кавказа. Итоги изучения природных экосистем Кавказского биосферного заповедника / А.Н. Кудактин // Труды Кав. гос. зап. – Вып. 15. – Сочи, 1994. – С. 215–230.

Макридин, В. П. Волк / В. П. Макридин // В кн. Крупные хищники и копытные звери. – М.: Лесная промышленность, 1978. – С. 8–50.

Наумов, Н.П. Экология / Н.П. Наумов. – М.: Высшая школа, 1963. – 618 с.

Огнев, С.И. Звери Восточной Европы и Северной Азии / С.И. Огнев. – Т. 2 // Хищные. – М.; Л.: Гос. издат., 1931.

Павлов, М.П. Волк / М.П. Павлов. – М., ВО «Агропромиздат», 1990. – 350 с.

Теплов, В.П. Положение с волком в заповеднике и борьба с ним / В.П. Теплов // Сб. мат. Кавк. гос. зап. – № 2. – Майкоп, 1936. – С. 14–18.

Теплов, В.П. Волк в Кавказском заповеднике / В.П. Теплов // Тр. Кав. гос. зап. – Вып. 1. – М., 1938. – С. 343–365.

Туров, С.С. По восточному отделу Кавказского государственного заповедника (отчет о работе зоолог. экспедиции в 1930 г.) / С.С. Туров // Тр. Кав. гос. зап. – Вып. 111. – Майкоп, 1930. – С. 4–26.

Туров, С.С. Материалы к познанию фауны Кавказского заповедника / С.С. Туров // Млекопитающие; Тр. Сев.-Кав. НИИ. – Ростов-на-Дону, 1928. – Вып. 44. – 98 с.

Федосов, А.В. Особенности экологии Кавказского волка и борьба с ним в Кавказском заповеднике / А.В. Федосов // Науч.-метод. записки Комитета по заповедникам. – 1938. – Вып. 1. – С. 37–44.

Хсхнева, Т.Д. Охотничье-промысловые млекопитающие Дагестана : Фауна, экология, охрана, обогащение и пути рационального использования / Т.Д. Хсхнева // Автореф. дисс. ... канд. – Махачкала, 1972. – 20 с.

Шварц, С.С. Теоретические основы рационального использования охотничье-промысловых животных / С.С. Шварц, К.В. Михеева // Сб. Зоология позвоночных. – М., 1976. – Т. 8. – С. 3–67.

Шильдер, В.К. Кубанская охота / В.К. Шильдер // Охота. – 1898. – № 1. – С. 1–49.